

Стояло знойное лето, но в Первой академии человеческой цивилизации не чувствовалось и намека на удушливую жару.

В отличие от городских улиц, заполненных голографическими проекциями и виртуальными пейзажами, здесь, в академии, все растения были самыми настоящими. Они служили живым воплощением труда и благодарности многих поколений выпускников факультета растениеводства, кропотливо ухаживавших за ними с самого основания учебного заведения.

Прежде этот роскошный сад служил главной гордостью факультета: студенты неизменно улыбались, проходя мимо его цветущих аллей. Однако сегодня он превратился лишь в великолепную, дорогую декорацию для выпускной церемонии.

— Се Синчэнь придет?

— Вряд ли. Во всяком случае, вчера в общежитии его никто не видел.

— Но ведь Юй Чэн здесь! Неужели Синчэнь пропустит такое событие? Как-никак, столько лет проучились в одном классе.

Студенты в парадных мантиях, собравшиеся на выпускной, кучковались по углам. С самым таинственным видом они бурно обсуждали главную сенсацию этого года.

Се Синчэнь был местной легендой. Правда, слава у него была весьма сомнительного толка: парень слыл классическим простофилей с набитыми карманами. Настоящий ходячий кошелек — богат, глуп, жду всех. На факультете не нашлось бы человека, который хоть раз не слышал бы о нем, а многие и вовсе не упускали случая поживиться за его счет.

Несколько месяцев назад, едва получив диплом, Се Синчэнь демонстративно покинул все общие чаты. Этот демарш наделал немало шума в академии. И теперь, на самой церемонии, взгляды присутствующих невольно искали именно его.

Одни верили, что на этот раз Синчэнь настроен серьезно и окончательно порвал с прошлым. Другие презрительно кривились, считая все это дешевым фарсом ради привлечения внимания.

Как бы то ни было, сегодня Се Синчэнь стал главным героем дня. Даже Юй Чэну, который прежде всегда находился в центре внимания, не удавалось перетянуть одеяло на себя.

— Ну вы и фантазеры! Сами подумайте, сегодня же выпускной нашей Первой академии! Как этот Се Синчэнь может такое пропустить? — высокомерно процедил заурядного вида парень, задрав нос так высоко, словно пытался разглядеть что-то на небе.

Каждым своим жестом он демонстрировал глубочайшее презрение к Синчэню.

— Посмотрите, как он вел себя все эти годы. И вы всерьез думаете, что у него хватит духу проигнорировать церемонию? Да он же всегда терся возле нас, точно побитая дворняжка, и умолял пойти к нему работать! — Лайя закатил глаза.

И его высокомерие имело под собой почву. Выпускной в Первой академии давно перерос рамки обычного торжества — теперь это была престижнейшая ярмарка вакансий. Право присутствовать здесь имели лишь государственные научно-исследовательские институты, ведущие аграрные планеты и крупнейшие, всемирно известные корпорации Межзвездного союза.

Проще говоря, выпускники-растениеводы Первой академии были нарасхват. Настоящие деликатесы на рынке труда! Неудивительно, что заносчивый юнец так раздувался от гордости.

Кому-то из толпы явно надоело слушать это бахвальство. Собеседник раздраженно фыркнул и съязвил:

— Да ладно тебе, так и брызжешь желчью от зависти. Хотя тебя можно понять... Как-никак, парень-то — целый владелец планеты!

Владелец планеты!

Один этот статус заставлял зеленеть от зависти не только вчерашних студентов, но и маститых, умудренных опытом мастеров растениеводства.

В космическую эпоху даже рядовые специалисты по растениям получали более чем приличные деньги, а уж доходы высокоранговых мастеров и вовсе кружили голову. И все же, кем бы они ни были, они оставались лишь элитной наемной силой. Рабочими высшего класса.

Чтобы скопить на собственную обитаемую планету, им требовалось вкалывать минимум лет двадцать, а то и тридцать. А если приплюсовать сюда расходы на строительство хотя бы небольшого космопорта, ежегодную плату за безопасность в размере одного миллиарда звездных монет, закупку тяжелой техники для освоения земель, семян, специализированных питательных растворов и ускорителей роста... Без полувека непрерывного труда о таком и мечтать не стоило.

Впрочем, будь все так просто, владельцев планет в Межзвездном союзе насчитывалось бы гораздо больше. Одни лишь деньги не гарантировали покупку — требовались права, которые измерялись в очках вклада.

Для приобретения планеты необходим был минимум в десять тысяч очков. Если пытаться заработать их благотворительностью, пришлось бы спустить сотни миллиардов звездных монет

и потратить не один десяток лет.

Военные заслуги давались бесплатно, но за них платили кровью. Уничтожение мутировавших зверей приносило немало очков, однако выжить в этих бойнях и накопить заветные десять тысяч обычному человеку было практически не под силу.

Суровая реальность такова: мастера растениеводства, за которыми не стояли влиятельные и баснословно богатые кланы, за всю жизнь не могли выбиться в полноценных владельцев планет. Пределом мечтаний для специалистов среднего и низшего ранга оставалась покупка поместья на какой-нибудь обжитой планете. В противном случае им оставалось лишь до конца дней гнуть спину на чужих дядей.

Да и сколько вообще высокоранговых мастеров насчитывалось в Межзвездном союзе?

Едва ли наберется несколько сотен. На каждую цивилизацию приходилось от силы по десятку специалистов. О великих же мастерах растениеводства и говорить нечего — их можно было пересчитать по пальцам двух рук.

— Ха, завидовать? С чего бы мне завидовать этому придурку, который выкупил дикую планету на самых задворках галактики? — зло выплюнул Лайя, изо всех сил стараясь принизить Синчэня. — Тоже мне, секрет полишинеля! На его планете даже начать освоение — непосильная задача. Одни расходы на прокладку безопасного маршрута способны пустить его по миру. Вот увидите, через сто лет нам еще придется утешать его, когда планету конфискуют за долги и невыполнение нормативов.

Слова Лайи нашли живой отклик у большинства собравшихся.

Все эти годы многие тайно подумывали, как бы примазаться к чужому богатству. Быть владельцем планеты — невероятная привилегия, и глупо было не попытаться найти лазейку.

Вот только в Межзвездном союзе действовал суровый закон: если за сто лет планета не достигала установленных показателей развития, ее безжалостно изымали в пользу государства. Более того, прямым наследникам незадачливого владельца на протяжении следующего века запрещалось приобретать космическую недвижимость.

— Вот именно! Даже если у тебя куча денег и очков вклада, швыряться ими направо и налево — верх глупости. У Се Синчэня явно крыша поехала, раз он вложился в такое гиблое место, — поддакнул кто-то из толпы.

— Да одна только прокладка межзвездной трассы обойдется в сотни миллиардов! В той глухомани даже малый приемник червоточин приходится устанавливать за собственный счет. Я когда услышал об этом, просто челюсть потерял.

— Будь я на его месте, сначала поработал бы пару лет в каком-нибудь приличном месте с хорошим соцпакетом. Набрался бы опыта, подождал выгодного предложения и только тогда купил нормальную планету. А то, что сделал он — просто варварство и пустая трата ресурсов.

Студенты исходили желчью, смешанной со странной, болезненной жалостью. Будь у них столько денег и очков вклада, они распорядились бы ими в сто крат разумнее! Вложиться в дикую планету на отшибе цивилизации — ну не безумие ли?

Постепенно критика переросла в откровенные фантазии.

— Эх, будь у меня такие ресурсы, я бы выкупил неосвоенную планету поближе к Центральной, нанял рабочих для первичной расчистки, а потом пригласил бы наших ребят! Прорывались бы вместе.

— Золотые слова! Иметь за спиной выпускников Первой академии и не суметь выстроить с ними нормальные отношения... Это же как нужно умудриться, чтобы так провалиться в социальном плане? Будь я на его месте, я бы живо организовал команду из однокашников.

— Вот-вот! Мы бы наладили поставки, вырастили первоклассный товар и завалили им рынок. Да, сейчас цены на декоративные растения немного просели, но чистая прибыль все равно была бы колоссальной. Глядишь, и в списки богатейших людей Межзвездного союза попали бы!

Чем ярче рисовались картины безбедного будущего, тем сильнее крепло их презрение к Се Синчэню.

Особенно усердствовали те, кто знал, что этот чужак умудряется продавать элитную зелень по цене сорняков. От этой мысли у них буквально зубы сводило от досады, а слова становились все более ядовитыми.

Впрочем, все это было лишь банальной завистью несостоявшихся специалистов. Дай любому из них волю и собственную планету — они бы в первую очередь забыли о товариществе и начали выжимать из однокурсников все соки под соусом высокой корпоративной культуры и уникальной возможности поработать за опыт.

Увлечшись обсуждением чужих промахов, сплетники не заметили, как к ним приблизилась группа студентов, в центре которой, точно редкая жемчужина, шел Юй Чэн.

В отличие от этих любителей почесать языками за чужой спиной, благородный и честный Юй Чэн питал гораздо больше симпатии к упрямому Се Синчэню, который при каждой их встрече так забавно хмурил брови и раздувал щеки от злости.

Воцарилась внезапная тишина. Сплетники, не успев договорить очередную колкость, наконец

почувствовали неладное.

Обернувшись и наткнувшись на насмешливые, полные презрения взгляды сокурсников, они мгновенно растеряли всю спесь. Их лица то бледнели, то зеленели, переливаясь всеми цветами радуги от жгучего стыда.

Да, взбалмошный Се Синчэнь мало кому нравился, но те, кто изливал яд за его спиной, вызывали у окружающих еще большее отвращение.

— Ю... Юй Чэн... — промямлил кто-то.

У парней уши полыхали так, что на них можно было жарить яичницу.

Юй Чэн смерил их холодным, пронзительным взглядом и ровно произнес:

— Не стоит лить грязь на товарищей. Это лишь показывает низость вашей собственной натуры.

Бросив эту фразу, он спокойно зашагал дальше. Идущие следом студенты не упустили возможности обидно рассмеяться. От этого смеха провинившиеся готовы были сквозь землю провалиться.

Но стоило свите Юй Чэна скрыться из виду, как краска стыда на их лицах сменилась багровой яростью, а голоса зазвучали еще злее.

— Тоже мне, защитник выискался! Какое ему вообще дело, кого мы обсуждаем?

— Строит из себя святошу... А сам-то! Все ведь знают, что он увел у Се Синчэня бывшего мужа!

— Да просто увидел, что тот стал владельцем целой планеты, и решил подлизаться. Обычный лицемер и подхалим!

10:00 утра

Над кампусом разнесся мерный, раскатистый звон старинных башенных часов.

С первыми же ударами суэта утихла. Студенты быстро поднялись со своих мест, выстраиваясь в ровные колонны по группам. Всего несколько минут — и длинная шеренга выпускников замерла в идеальном порядке.

Впереди чинно восседали профессора, преподаватели и руководство академии. Позади них выстроились взволнованные, подтянутые студенты.

По давней традиции в день выпуска все действующие профессора были обязаны явиться на церемонию. Как бы сильно им ни хотелось запереться в своих лабораториях, правила приличия требовали выйти под объективы камер. Правда, вид у большинства светил науки был кислый — никому не улыбалось тратить драгоценное время на официоз.

К счастью, ректор академии — хитрый старый лис — прекрасно знал характер своих подчиненных. Каждый год он вызывал профессуру в самый последний момент, когда студенты уже стояли по струнке. Благодаря этой маленькой уловке время пребывания ученых на публике сокращалось до минимума, что позволяло сохранять этот забавный ритуал из года в год без лишних скандалов.

— И почему наше руководство так любит всю эту мишуру? Столько лет прошло, а ничего не меняется, — тихо проворчала Ни Куньци, опуская ресницы, чтобы скрыть раздражение.

Она лениво перебирала тонкими пальцами лепестки изящного букета ирисов. На ее красивом, утонченном лице легли едва заметные тени — мягкие следы прожитых лет.

В космическую эпоху благодаря передовой медицине и развитию духовной силы продолжительность жизни возросла многократно. В Межзвездном союзе даже обычные люди легко доживали до ста пятидесяти лет. Совершеннолетие по-прежнему наступало в восемнадцать, но период расцвета сил растягивался на десятилетия. Первые признаки старения у большинства проявлялись лишь после векового юбилея. Что уж говорить о долгожителях — представителях растительного племени деревьев или черепаших рас из Животной цивилизации: они начинали увядать лишь к тремстам-четыремстам годам.

Учителю Ни исполнилось всего семьдесят восемь. По меркам союза она была еще очень молода, и на ее лице не должно было остаться никаких следов возраста. И все же она сознательно отказалась от омолаживающих процедур, сохранив тонкие лучики морщинок у внешних уголков глаз.

— Ладно тебе, такое бывает лишь раз в году. Будем считать это данью уважения нашей альма-матер, — весело отозвалась Аллисон, лучезарно улыбаясь.

В отличие от ветреной Ни Куньци, которая постоянно меняла фаворитов среди флоры, Аллисон хранила верность алым розам. Эти пышные, благоухающие цветы оставались для нее вершиной природного совершенства.

— Хватит хмуриться, — подтолкнула она коллегу плечом. — Ну не пришел твой любимчик, и бог с ним. Будет время — слетаем вместе на эту его Землю, навестим парня.

Ни Куньци насмешливо прищурилась:

— Так я и поверила. Тебе просто не терпится взглянуть на его розовые плантации.

Аллисон ничуть не смутилась и с обезоруживающей честностью пожала плечами:

— Разумеется! Розовые поля интересуют меня куда больше какого-то мальчишки, которого я в глаза не видела.

Последние несколько лет она провела в добровольном заточении, безвылазно трудясь над созданием нового растительного питательного раствора. К тому моменту, когда Се Синчэнь только поступил в академию, она уже не вела лекций, так что их пути физически не могли пересечься.

Теперь она искренне об этом жалела. Знай она заранее, что среди первокурсников появится столь одаренный и интересный юноша, ни за что бы не заперлась в лаборатории. Но увы, прошлое вспять не поворачишь.

Глядя на раздосадованное лицо подруги, Ни Куньци прекрасно понимала ее чувства, и от этого на душе у нее становилось только радостнее. Какая же она все-таки проницательная! Из сотен студентов разглядеть и приблизить к себе самый настоящий бриллиант!

Они еще немного посплетничали о Се Синчэне, а затем, не желая возвращаться в душные кабинеты и спасаясь от назойливого внимания коллег и выпускников, свернули на тенистую, скрытую от посторонних глаз тропинку.

Однако стоило им углубиться в тишину парка, как до их ушей донеслись резкие, раздраженные голоса.

— Нынешняя молодежь только и умеет что пиариться! Он просто вытирает об нас ноги ради дешевой рекламы, а глупые обыватели в сети ведутся на этот развод. Если он такой гениальный, пусть попробует выставить на продажу не жалкую тысячу букетов в день, а миллионов десять! Слабо?

— Неудивительно, что с ним никто не общается. Кто захочет иметь дело с эгоистом, который гребет под себя под носом у всей ассоциации? Когда его родителей сожрали мутировавшие твари, почему его-то с ними не прикопали? Одним паразитом на свете было бы меньше.

— И семейка Фу хороша. Решили прибрать к рукам чужое добро — так довели бы дело до конца, избавились бы от щенка. Нет же, оставили ему лазейку, позволили подняться на костях... Идиоты.

Голоса так и сочились неприкрытой злобой.

Ни Куньци и Аллисон застыли на месте. Лица их мгновенно окаменели.

Ни Куньци почувствовала, как пальцы, сжимающие стебли ирисов, мелко задрожали. За долгие годы работы в академии она повидала немало лицемеров, но эта низость переходила все границы.

Кто же скрывался за густыми кустами?

Там стояли те самые люди, которые еще утром рассыпались перед ней в комплиментах, нахваливая ее талантливую ученика. Утром, отчаянно пытаясь выкупить формулу ее нового питательного раствора, они со сладкими улыбками превозносили Се Синчэня до небес, а едва наступил полдень, начали поливать его грязью. И где? На ее собственной территории, прямо под окнами учебного корпуса!

— Слушайте, вы слишком торопите события, — вальяжно тянул один из заговорщиков. — Мальчишка едва-едва выкупил эту планету, какие там могут быть объемы? Он думает, что набрал подписчиков за счет копеечных цен и теперь схватил бога за бороду. Но стоит ему попытаться заработать и хоть немного поднять планку — сетевые хомячки сожрут его заживо.

— Ха, глупее не придумаешь! Торговать элитными сортами по цене сорняков... Без нормальной прибыли он никогда не поднимет инфраструктуру. С его-то захолустным расположением! Прокладка транспортных путей высосет из него все до последнего гроша. Так что устраивайтесь поудобнее, господа. Скоро он задерет цены, и вот тогда начнется самое веселое шоу.

— Кстати, А-Ци, маякни Ассоциации растениеводства, пусть заблокируют его заявку на вступление. И с другими владельцами планет нужно переговорить — нечего всякому сброду делать в наших закрытых чатах.

Ни Куньци, вопреки ожиданиям, вернула себе ледяное спокойствие.

Зато вспыльчивая Аллисон не собиралась молча сносить подобные оскорбления. Крепко схватив коллегу за локоть, она решительно шагнула вперед, раздвигая ветви:

— Я гляжу, господа, вы нашли на редкость увлекательную тему для беседы?

Этих четверых Аллисон тоже знала. Но она и представить не могла, что за масками холеных и уважаемых господ скрываются столь гнилые душонки.

Конечно, в открытом столкновении им с Ни Куньци против мужчин не выстоять. Вот только они находились на территории Первой академии! Ни один безумец не посмел бы поднять руку на местных профессоров.

— Кто здесь?! — мужчины резко обернулись.

И едва завидев разгневанные лица Ни Куньци и Аллисон, они мгновенно изменились в лице.

<http://bllate.org/book/18420/1795948>